

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**О. В. Лысенко**

Лысенко Олег Владиславович (Пермь, Россия) — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета;
Email: oleg-lysenko@yandex.ru

**«ПАТРИОТЫ» И «ПРОГРЕССОРЫ»: КОНФЛИКТ КАК СПОСОБ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ**

В данной статье проанализированы механизмы конструирования локальных дискурсов в динамической перспективе на примере конкретного случая (Пермского культурного проекта). Дается сравнительный анализ социальных условий формирования локальных дискурсов в российской провинции на рубеже XIX-XX вв., и в постсоветское время. Освещаются ключевые направления и события Пермского культурного проекта, послужившие причиной конфликта между местным сообществом и идеологами проекта. Реконструируются локальные дискурсы местных культуртрегеров и гражданских активистов с одной стороны и организаторов Пермского культурного проекта с другой. На основе взятых автором интервью и публикаций в средствах массовой информации, дается развернутый анализ трансформации дискурса от поиска «уникальной пермской идентичности» до «освободительного движения» против «захватчиков из Москвы». Дается характеристика нового варианта локального дискурса, сформировавшегося в результате конфликта.

Ключевые слова: Пермский культурный проект, локальные дискурсы, стратегии построения дискурса, трансформация дискурса.

O.V. Lysenko

Oleg V. Lysenko (Perm, Russia) — candidate of sociological sciences, associate professor at Perm State Humanitarian-Pedagogical University;
Email: oleg-lysenko@yandex.ru

**“PATRIOTS” AND “PROGRESSORS”: ON THE USE OF CONFLICTS
IN CONSTRUCTION OF A LOCAL DISCOURSE**

The goal of the following research is to elicit the mechanisms behind the construction of local discourses around cultural project in Perm. To achieve this goal the researcher starts with historical comparison of social circumstances around local discourses in Perm in the XIXth, the XXth centuries and the post-Soviet era. When the research moves to the key events of cultural project in Perm, it reveals social conflict between local communities and project leaders. Understanding of this conflict requires the next step: reconstruction of the discourses belonging to various local cultural leaders, civic activists, leaders of the cultural project in Perm. Analysis of various interviews and publications of local media allows

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

to scrutinize evolution of discourse from “unique identity of Perm” narrative to “resistance vs. Moscow invaders” narrative. The article ends with characterization of a new local discourse formed in the end of the conflict.

Keywords: Perm cultural project, local discourses, the strategy of building discourse, the transformation of discourse.

По стандартам социологических исследований, заданным П. Бурдые и его последователями, анализ дискурсов немислим без учета и изучения позиций говорящего. Но что следует понимать под этими позициями? Как показывает опыт исследования конкретных случаев, способы говорения лишь в некоторой степени задаются так называемыми «объективными» социологическими параметрами. Более значительную роль играют такие обстоятельства, как логика ситуации (можно, вслед за Дж. Александером и Ф. Тенбруком сказать — логика культуры [9, с. 63]), побуждающая, а то и вынуждающая тех или иных участников взаимодействий в процессе защиты своих позиций выработать особые дискурсивные стратегии. Далее, имеют значение позиции и действия других участников коммуникативных актов — от союзников до оппонентов, требующих либо согласования способов говорения, либо ответных реакций, что неминуемо сказывается на самом содержании дискурсов. Наконец, важно наличие и постоянное пополнение языковых, интеллектуальных и когнитивных компетенций, получаемых говорящим не только из собственного опыта, но и из опыта других, не имеющих отношения к данной ситуации агентов. Учет этих обстоятельств заставляет отказаться от описания локальных дискурсов как чего-то неподвижного, статичного, но рассматривать их как динамичную систему взаимодействия, которая, складываясь ситуативно, далее начинает развиваться по собственным правилам и стратегиям.

Данная статья посвящена изучению вполне конкретного случая, а именно — столкновению в публичном пространстве разных «способов говорения» о Перми в ходе реализации так называемого Пермского культурного проекта (далее — ПКП). Отталкиваясь от обычного, общепринятого понимания дискурса, как «формы артикуляции знания в конкретной культурной традиции» [72], мы хотели бы понять, как сталкиваются, формируются, конструируются различные локальные дискурсы в реальной ситуации.

Такая постановка проблемы обусловлена простым наблюдением: большинство исследований локального по умолчанию приписывает местной идентичности (а дискурс, на мой взгляд, не существует без нее) свойство эссенции, сущности, вплоть до самого крайнего примордиализма «плоти и крови». В смягченном прочтении локального (не без влияния уже ставшего модным конструктивизма) признается, что всякое «локальное» конструируется, но упускается из виду драматический характер такого конструирования, обусловленный тем, что всякий дискурс суть власть-знание (в прочтении М. Фуко) или цель и ставка в игре за символический капитал (в прочтении П. Бурдые). Разумеется, видеть в дискурсах способ навязывать населению «волю власти» научились многие, но вот попыток рассмотреть реальную борьбу, в ходе которой выстраиваются не только властные дискурсы, но и дискурсы, им противоборствующие, пока мало. Этому и посвящено мое исследование.

Статья построена на анализе ряда источников. В первую очередь это стенограммы 21-го интервью пермских экспертов в области культуры, взятые в 2014-2015 гг., включая интервью О. Чиркунова, губернатора Пермского края в 2004-2012 гг. и Б. Мильграма, министра культуры в 2008-2011 гг. и вице-премьера Правительства Пермского края в 2010-2012 гг., полити-

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

ков, руководителей и работников учреждений культуры Пермского края, журналистов и т.д. (список этих интервью приводится в конце статьи). Большинство из них взято лично автором, но ряд интервью был взят в довольно необычном формате — коллективно, в ходе встреч приглашенных экспертов с участниками научного семинара, проходившего на гуманитарной кафедре одного из пермских вузов (эти интервью отмечены особо). В большинстве случаев интервью анонимны, как того и требует этика научного исследования, но иногда имена раскрыты с разрешения респондентов, так как невозможно скрывать авторство чиновников уровня вице-премьера правительства. Я привожу имена респондентов и в том случае, когда интервью бралось коллективно, то есть респонденты заранее знали, что они говорят публично (это интервью О. Чиркунова, И. Аверкиева, Ю. Тавризян).

Кроме того, в статье использованы книги, статьи, выступления и интервью времен ПКП, а также комментарии к интернет-публикациям. Они позволяют дополнить ретроспективные оценки и мнения, звучащие в интервью, выявить в ряде случаев динамику разворачивания дискурсов, проследить живую реакцию на события.

Наконец, я не могу отказаться и от использования совсем уж «неформальных» источников, каковыми являются личные наблюдения и мнения отдельных людей, высказанные в личных беседах, научных семинарах и на круглых столах. Несмотря на то, что они нигде не зафиксированы, кроме как в моей памяти и моих записях, такого рода источники зачастую являются весьма ценным подспорьем для реконструкции процессов становления и бытования дискурсов. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить всех, с кем я общался по поводу ПКП.

Что такое ПКП?

В начале статьи необходимо обозначить статус и границы события, ставшего поводом для исследования. Пермским культурным проектом, ПКП, (еще иногда – пермской культурной революцией) принято называть культурную политику, проводимую командой О. Чиркунова на территории Перми и Пермского края в 2008-2012 гг. Ее основными идеологами и проводниками (а в локальных дискурсах — еще и символами) стали два человека: Борис Мильграм, театральный режиссер, художественный руководитель Пермского академического Театра-Театра (с 2004 года), министром культуры (с июня 2008 г.), а с 2010 по 2012 год вице-премьер краевого правительства Пермского края, и Марат Гельман, галерист, основатель, директор (с 2008 по 2013 гг.) и куратор многих выставочных проектов в Музее современного искусства PERMM. Эта политика включала в себя целый ряд направлений, в числе которых — реформирование системы финансирования отрасли культуры (увеличение доли средств, выделяемых на культуру через конкурсы и гранты), программа «Пермский край — территория культуры», в рамках которой для муниципалитетов Пермского края ежегодно разыгрывались значительные средства на развитие местных культурных проектов (куратор — зам. министра культуры Пермского края А. Протасевич), брендинг Перми и Пермского края (с привлечением студии Артемия Лебедева), программы «Пермь — культурная столица России» и «Пермь — культурная столица Европы», городская программа паблик-арта (куратор — Наиля Аллахвердиева), развитие краевых фестивалей (самыми известным из которых стали «Белые Ночи в Перми») и многие другие [Подробнее см.: 35].

Самыми громкими и скандально известными стали события ПКП, связанные с тремя последними перечисленными направлениями — программы «Пермь — культурная столица России/Европы», фестиваль «Белые ночи» и, разумеется, пресловутые арт-объекты — «Крас-

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

ные человечки» арт-группы «Professors», «Ворота» Н. Полискового, и «Обгрызенное яблоко» Ж. Кадыровой. Именно эти события и стали основным поводом для конфликта, в рамках которого локальные дискурсы подверглись трансформации.

Схематичная предыстория формирования местных локальных дискурсов

Тут следует уточнить. Само словосочетание «локальный дискурс» в силу особенностей русского языка можно понимать по-разному: как способ говорения *о месте*, как особенности говорения *на месте* (на данной территории), либо как способ говорения *о-месте-на-месте* (то есть местными о местном). Пусть это разделение не покажется надуманным: оно требуется для того, чтобы иметь возможность сравнить локальные дискурсы, производимые местными сообществами (третий способ) и дискурсы о месте, производимые в наш век брендинга и конструирования теми, кто самим местным сообществом не признается за своих, в нашем случае идеологами ПКП (первый способ).

В данном разделе статьи речь пойдет о третьем значении — как о речи, посвященной локусу, произведенной теми, кто в этом локусе находится. Конфликт вокруг ПКП придал пермскому локальному дискурсу особое звучание. Не то, чтобы до него не было традиций говорить и писать о Перми со стороны местных и неместных производителей текстов, как облеченных на это символическим капиталом, так и самопровозглашенных. Но до этого локальный дискурс редко становился центральной темой газетных публикаций и массового обсуждения, разве что как феномен художественный, еще реже — научный.

Это не удивительно: запрос на обсуждение локальности проявлялся в российской истории не часто: этому препятствовала логика присвоения пространства. В работе В. Л. Глазычева «Город без границ» можно встретить такое рассуждение: «... в зависимости от господствующей социальной и государственной модели либо малое пространство, соединяясь с другим, себе подобным, в конечном счете, формирует обширное общее пространство, либо, напротив, сверхкрупное пространство, подразделяясь, доходит в своих характеристиках до малого и мельчайшего» [28, с. 79]. Очевидно, что Россия относится скорее ко второй «социальной государственной модели». История многократного перекраивания границ Пермского наместничества-губернии-области в XVIII-XX веках, или история с «Большой Москвой» — прекрасное тому подтверждение [8]. В логике «разделения сверхкрупных пространств на малые» конструирование локальной идентичности является следствием, а не причиной административных операций, а ее конструктором (и, соответственно, создателем локальных дискурсов) является не власть в сотрудничестве с интеллектуалами, как это было в случае с нациями [27], а разрозненные сообщества, присутствующие в локальном пространстве и усматривающие в локальной идентичности дополнительные символические ресурсы. Ключевым является слово «разрозненные».

Здесь возникает потребность рассмотреть историю возникновения локальных дискурсов в России и их использования в социальных стратегиях продвижения местных сообществ. Но воздержимся от этого: такое исследование увело бы нас далеко от заявленной темы, и, к тому же, оно пока не возможно в полной мере — исследований по становлению краеведческих (в XIX веке — «отчизноведческих») движений, изучению роли земств в формировании локальных дискурсов и локальной же идентичности, истории меценатства под этим специфическим углом зрения и другим смежным темам в отечественной гуманитарной науке пока явно не хватает. Ограничимся только указанием на некоторые наблюдения, сделанные на пермской

QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?

почве.

Вплоть до конца XIX века, а иногда и позже, в локальных (провинциальных) дискурсах доминировали темы просвещения и европеизации. Просветители и чиновники, такие как В. Татищев, В. де Генин или М. Ломоносов, активно призывали к изучению отдельных территорий ради «прирастания Российского могущества» (и сами этим занимались в рамках служебных и научных интересов). Аристократия XIX века, вовлеченная в процессы конструирования национальной идентичности, и не забывающая при этом повышать свои позиции в придворном поле, изобретает отечественную археологию и коллекционирование местных древностей (пример чему — история создания Пермского звериного стиля, сопряженного с поисками мифологической Биармии [34]). Земства пореформенной России, провинциальные академические круги и местные сообщества интеллигентов активно конструируют образы Перми как «форпоста» Европы [48], не забывая при этом указать на отсталость и дикость местного «простого» населения [20], дабы подчеркнуть важность собственной роли. Иными словами, местные дискурсы этого первого этапа изначально задавались практиками попечения, и имели целью подчеркнуть, что и «мы не лыком шиты», что «наш город не хуже остальных» [25]. Отсюда до сих пор сохраняется ритуальная традиция самоутверждения локального через «гениев места», признанных в «просвещенном» обществе [38].

Но в 1990-2000 гг. мы видим существенные изменения стратегий работы с символическим капиталом места, равно как и изменение адресата дискурса. Наряду со стремлением занять «достойной ниши» в ряду других «просвещенных» городов начинается процесс поиска собственного, не похожего на другие, образа с отказом ровняться на принятые высокие образцы. Самым остроумным символом такого поворота является памятник Чехову в Томске, носящим название «Антон Павлович в Томске глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанку» — где писатель, нелюбезно отозвавшийся о городе, изображен «босым, так как потерял обувь в непролазной томской грязи... Таким писателя действительно мог увидеть «только пьяный мужик из канавы» [52]. Но вернемся к пермским примерам.

Как мог случиться такой поворот? Возникнув в 1970-1980-х гг. как «вариант антисоветской глокализации, иначе говоря, интеллектуального протеста против унифицирующего, стирающего региональные различия советского проекта» [73], локальный дискурс, несмотря на изоморфическую схожесть с научным типом говорения, оказался адресованным не миру (властям, столицам, инвесторам и прочим внешним потребителям), а самим носителям этого дискурса. Разумеется, этому новому поколению «медитирующих о культуре» (так их обозначил один из самых ярких «пермистиков» [57]) была отнюдь не чужда претензия говорить о Перми от лица всего сообщества для слушателей как вовне, так и внутри Перми. Но сменились условия игры. Взамен привычной практики говорения в узком кругу «понимающих», в новых условиях проникающей глобализации требовались дискурсы, отформатированные под имеющиеся ниши потребления: научные тексты, составленные по правилам игры глобальных академических сообществ, художественные произведения, которые могут хорошо продаваться за пределами круга личных знакомых автора, культурные проекты, имеющие внятную экономическую (в широком смысле, не только с точки зрения окупаемости), политическую и социальную составляющую.

Что интересно: некоторым ярким представителям вышеозначенного поколения это удалось, как, например, В. Абашеву с монографией «Пермь как текст» [3] или писателю А. Иванову, автору многих коммерчески успешных романов и сценариев. Но, смею предположить, что их профессиональный успех (равно как и успех иных провинциальных деятелей культуры и

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

искусства) был обусловлен не расплывчатой «медитацией над культурой», причем местной, а следованием строгим стандартам профессиональных полей. Но в самой провинции, в силу ряда причин, профессиональные сообщества со своими критериями деятельности не сложились [41]. Взамен этого образовалось другое сообщество — узкий круг культуртрегеров, объединенным расплывчатым «медитационным» дискурсом о культуре, потребляемым во-первых, ими самим, во-вторых, некоторой «периферией», состоящей из журналистов и еще некоторого числа носителей «интеллигентской культуры», в третьих — студентами, в силу институциональной необходимости. Коммерческие корпорации и государственное управление, подчиненные более строгому контролю из «столиц», в этом дискурсе заинтересованы не были и в число его потребителей не вошли. Не вошли и сотни тысяч пермяков, чей стиль жизни можно обозначить как «городское варварство» городских окраин, равно как и существующие в некотором количестве представители нового глобализованного стиля «продвинутых горожан» (мое представление о городских стилях и сообществах, его формирующих см.: [43]).

Получается, что большинство провинциальных культуртрегеров оказались в противоречивой ситуации: в поле профессиональной деятельности они следовали одним правилам (в том числе — дискурсивным), и эта стратегия иногда приносила вполне значимый результат, но в поле практической деятельности они оказывались заложниками особого, локального дискурса, удачно обозначенного одним из представителей этого самого поля «пермистикой» [14] (игра слов «перм-мистика» лучше всего отражает его двусмысленный статус). Правила локального дискурса определялись здесь не научными парадигмами, а провозглашенной целостностью и самодостаточностью самого предмета рассмотрения — местной идентичностью, понимаемой как некая «матрица», формирующая уникальную «пермскость». В этой логике почти все, что могло работать на доказательство уникальности места, поступало в оборот: геология (пермский период палеозойской эры [23]), «пещерная цивилизация» Урала [13], Биармия¹, жития святых крестителей земли Пермской, горнозаводская цивилизация [32], пермский звериный стиль, русский и коми-пермяцкий фольклор, история — научная и популярная, археология, гражданские практики [39], образ «инфернальной дыры, где гибнет все человеческое» [30], упоминания о Перми в высокой литературе [3], и, разумеется, оперный театр и «пермские деревянные боги». В такой бриколажной идентичности хватало всего, в том числе откровенного вымысла и смешных несуразностей [73]. «Особенность пермского культурного кода — симбиоз научного, исторического и художественного» — напишет в 2009 году один из главных мифотворцев и лидеров «пермистики» писатель А. Иванов [33]. Не было у «пермского кода» только одного — реальных механизмов воплощения этого проекта идентичности, если под последними, конечно, не понимать выступлений на краеведческих конференциях, публикации романов (даже самых успешных) и редких интервью в пермских СМИ. Бесконечные взывания к власти и бизнесу реального результата не приносили, местное население этот код не воспринимало. Самим же пермским интеллектуалам-гуманитариям оставался выбор: оставаться в рамках своих профессиональных полей, смиряясь или не смиряясь с включением их трудов в дискурс «пермистики», уйти с головой в «медитацию» по поводу локального, подчиняясь ее причудливой логике, или балансировать между двумя дискурсами, по мере сил извлекая выгоду и выплачивая дань обоим мирам.

¹ Ширинкин П.С.: «Естественно, что мы являемся сторонниками местонахождения Биармии именно в пермских землях» [70].

QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?**Условия формирования локального дискурса Пермского культурного проекта**

Обратимся теперь к другой стороне дискурсивного столкновения — к идеологам ПКП.

Судя по интервью со сторонниками и противниками ПКП, сам сюжет событий разворачивался так: понимая, что Пермь как индустриальный город доживает последние годы («кроме сырьевой, пермская промышленность неконкурентоспособна, реально» [Интервью № 5, О. Чиркунов]), губернатор О. Чиркунов затевает некую программу изменений с целью «отыскать место города в международном разделении труда» [Интервью № 5, О. Чиркунов]. Первым пунктом программы становится мастер-план города, для создания которого привлекаются зарубежные специалисты («надо достроить как-то город» [Интервью № 5, О. Чиркунов]). Вторым пунктом стало привлечение федеральных денег в пермское высшее образование — что вылилось в появление в Перми двух национально-исследовательских университетов, с помощью которых предполагалось в будущем создать новые инновационные предприятия. Третья «история» связана с реформированием социальной системы — здравоохранения и социальной защиты (провозглашая себя «последним в мире либералом», О. Чиркунов одним из первых губернаторов стал широко использовать аутсорсинг и размещение государственных заказов на оказание услуг населению на рынке). И только потом, как продолжение всей этой широкой программы преобразований, наступает очередь культуры, поскольку «хлеба и зрелищ.. — это же не нами придумано» [Интервью № 5, О. Чиркунов]. Причем за культурой в его понимании закреплена вполне осязаемая функция — «создание иллюзии», поскольку человеку «надо же объяснить, ради чего он живет в этом городе» [Интервью № 5, О. Чиркунов]. Все это впоследствии было изложено О. Чиркуновым в брошюре 2011 года «У города должна быть мечта», затем вошедшей в его книгу «Государство и конкуренция» [66].

Идеологи ПКП изначально оказались обладателями тех ресурсов, которых было мало у местных культуртрегеров, а именно — мобильностью, то есть способностью к физическому и социальному перемещению в окружающем мире и доступом к информации [19; 65]. Будучи представителями столичного бомонда, связанного с верховной властью, вращаясь в кругу российских и мировых знаменитостей, они в глазах многих представителей местного сообщества обладали и харизмой, и новым эффективным знанием.

В силу собственных представлений о методах управления, О. Чиркунов предпочитает строго делить задачи и подыскивать для их воплощения людей, «у которых горят глаза» [Интервью № 3, Б. Мильграм]. В 2004 году, через несколько месяцев после назначения исполняющим обязанности губернатора Пермского края, О. Чиркунов приглашает Б. Мильграма возглавить Пермский драматический театр. До этого Б. Мильграм закончил Пермский политехнический институт, защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам (1983), но, увлекшись театром, уехал в Москву. После нескольких лет обучения театральному искусству, работы в московских театрах и преподавания в театральных вузах столицы, создав себе определенное имя на поприще театральной режиссеры, Б. Мильграм сохраняет неформальные связи с пермским землячеством в Москве и с О. Чиркуновым. Вернувшись в изменившуюся за эти годы Пермь, Б. Мильграм погружается в совершенно иную, удручающую для него культурную атмосферу. В интервью он называет город тех лет «закрытым пространством» где «ничего не происходит». «Если его нагревать, то оно взорвется, а если его не трогать, то оно просто подгнивает» [Интервью № 3, Б. Мильграм]. В нем еще сохраняются структуры советских учреждений, «абсолютно понятных», что было и «прелестью и ужасом, потому что эти

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

ступени вели недалеко» [Интервью № 3, Б. Мильграм]. Ситуация усугублялась кризисом 90-х, периодом «самым зверским для периферии, унижающим человеческое достоинство», когда «креативные люди начали все сваливать. В разные стороны». В итоге «художественное странство оказалось в руках абсолютно не деятельных людей», зараженных одной заразой: «мы никому не нужны, у нас нет никаких средств, и мы здесь брошены, кинуты и всеми забыты». Это создавало замкнутый круг: «тебе на это не дают денег, ты ставишь дешевые спектакли, потому что у тебя нет средств никаких, и публика тобой тоже не интересуется, потому что ей не интересно это смотреть. У тебя полупустые залы, а власть говорит — "но там же нет публики, зачем давать, ... они что, станут лучше?". И действительно, эта позиция была даже, ну, какая-то правильная, они уже не умеют быть лучше. Поэтому говорить с этой средой на любом языке было невозможно. И одновременно она неправильная, потому что она невозможная» [Интервью № 3, Б. Мильграм].

Свой путь в ПКП Б. Мильграм описывает так: «в театр я пришел в 2004 году, начали мы первый спектакль в 2005-м, в 2008 году, собственно, начало этого проекта... Но с моей стороны он начался с того, что я в каком-то интервью сказал, что, собственно, я репертуар театра изменил, я изменил публику в театре, я изменил отношение к театру, театр другой, и дальше, чтобы двигаться в этом театре, нужно поменять площадь вокруг театра, эспланаду вокруг этой площади, город вокруг эспланады. Вот собственно с этой фразы началась моя история, он [Чиркунов] меня позвал и сказал: «Ну, меняй» [Интервью № 3, Б. Мильграм]. Назначение на пост министра культуры Пермского края Б. Мильграм получил в июне 2008 года.

Другим идеологом ПКП стал М. Гельман, которого летом 2008 года пригласил девелопер и сенатор от Пермского края С. Гордеев провести выставку актуального искусства «Русское бедное». М. Гельман привлекает в этот проект ряд самых известных российских художников — Н. Полискова, Ольгу и Александра Флоренского, В. Кошлякова, Д. Гутова, А. Осмоловского, А. Бродского, П. Белого, В. Архипова и др. На деньги С. Гордеева спешно ремонтируется пустующее аварийное здание Речного вокзала, и М. Гельман проводит выставку, которая становится своеобразным экзаменом, позволяющим О. Чиркунову оценить как организаторский потенциал самого Гельмана, так и возможности актуального искусства (поклонником которого сам О. Чиркунов отнюдь не является [Интервью № 5, О. Чиркунов]) привлечь пермяков. Выставка собрала рекордное число посетителей – более 45 000 человек за два месяца [66], была затем показана в Москве и за рубежом. Ее концепция была простой — «показать русское искусство как серьезную работу с социальной и национальной идентичностью — и одновременно как актуальный художественный поиск... это способ существования современного искусства в России, искусства подлинного, глубинного, сущностного, где есть форма, диалог с историей искусства и социальная ответственность» [61]. Сразу после этого принимается решение о создании Музея современного искусства PERMM. Это событие можно считать официальным стартом ПКП.

Чем же они отличались?

Парадокс ситуации заключается в изначальной изоморфической схожести обоих дискурсов. При желании, между «бриколажной идентичностью» «пермистики» и «поисками идентичности» «Русского бедного» можно найти много схожего: например, стирание границ между жанрами, конструирование новых мифов и новых реальностей, бесконечную игру смыслами и т.д. Но только на первый взгляд. Эклектика первого отнюдь не является следствием увлечен-

QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?

ности «пермистиков» постмодернизмом. В конце концов, постмодернизм начинался с разоблачения и расколдовывания мифологии [15], а потом воплотился во вполне прагматичную стратегию осознанного управления мифами: в брендинг (в том числе — территорий), в провозглашение движущей силы креативного класса и «экономику впечатлений». Напротив, формирование пермского варианта локального дискурса «своих для своих» завершилось стремлением в этот миф утвердить. И если семиотик В. Абашев, когда провозглашал подобное [3], имел ввиду вполне постмодернистское понимание мифа, то некоторые другие участники поля «пермистики» поняли это как вполне реальную задачу, в духе теургии Серебрянного века, а себя они при этом видели в роли верховных жрецов этого мифа, со всеми причитающимися почестями и благами. Первый тип стратегии (постмодернистский) имеет целью продвижение себя, как обладателя локальной уникальности в большем пространстве государства, континента, а то и всего мира. В этом случае «держатель» локального дискурса (а им может стать только агент, имеющий возможность контактировать с окружающим миром) волей-неволей должен придать ему более или менее унифицированную форму, позволяющую встраивать местные способы говорения в более широкую систему символов и риторических приемов, понятных за пределами локального сообщества с целью его «продать», то есть конвертировать культурный капитал в символический, экономический и политический. Очевидно, сюда следует отнести и современные попытки сконструировать городские бренды (разумеется, настоящие), позволяющие привлечь инвесторов, туристов, «креативный класс» и т.п. Но эта игра возможна при понимании исключительности не как субстанциональной сути локального, но как потенции для конструирования.

Второй тип игры, в которой символический ресурс тоже может быть использован, нацелен на утверждение собственного влияния внутри территории. В условиях замкнутого круга «нет денег — нет качества — нет потребителя — нет денег», последний оставшийся ресурс — социальный статус, обеспеченный осколками отживающих институций. Дж. Урри и З. Бауман (отнюдь не поборники глобализации) говорят возникновении в современном мире нового неравенства между теми, кто мобилен, и теми, кто обречен на оседлость [19; 65]. Одним из проявлений этого неравенства является способность к деятельности в проектно-режиме. Мобильные агенты ориентированы на постоянную смену проектов, когда успешное прохождение одного открывает путь к другому. Напротив, немобильные агенты обречены оставаться на без дел. Излишне говорить о том, что под мобильностью понимается не только способность к пространственному или социальному перемещению.

Такое неравенство не могло не вызвать столкновения.

Столкновение

Любопытно, что идеологи и организаторы ПКП, поначалу, кажется, совсем не стремились к конфликту. Из интервью мы знаем, что еще до ПКП М. Гельман активно знакомился с «пермской общественностью», среди которой много будущих противников, таких как Н. Агешева, О. Лейбович, И. Аверкиев. Об этом они говорят и в своих интервью: «мы видели только друзей. Я не знал своих врагов... Когда мы осуществляли, мы реально не видели врагов, мы понимали, что люди, которые не понимают, они по дороге поймут или отвалят...» [Интервью № 3, Б. Мильграм]). Но это не означает, что идеологи ПКП этих конфликтов не порождали, скорее наоборот.

Такая конфликтность была связана с рядом обстоятельств. Некоторые из них можно

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

связать с сугубо личными обстоятельствами, о чем здесь говорить не этично. Другие имеют более объективные основания, например, перенос профессиональных привычек в сферу публичной культурной политики: «В чем отличие моей позиции ... от позиции Мильграма как театрального режиссера? Я была в коммуникации, а он самореализовывался. Он представил весь образ и ему по барабану, понравится вам это или нет. Понравится — значит вы умницы, не понравится — ну что ж, вы дураки. Это особенность профессии. Мне кажется, что в значительной степени при моем глубочайшем уважении к обоим ребятам (Мильграму и Гельману — О.Л.), множество проблем связано с их нежеланием думать над тем «как сделать?». У них такая психология, потому что они заняты совсем другой работой» [Интервью № 10, сотрудник Министерства культуры]. Не случайно самым распространенным обвинением является «тип захода в территорию» [Интервью № 1, И. Аверкиев], «хамство» [Интервью № 9, журналист], неуважение [47].

Об этом в относительно мягкой (учитывая бушующие вокруг страсти) полемике с Аверкиевым пишет и сам М. Гельман: «Баталина² мне жаловалась, что ассистент куратора диктовала ей — в какой программе верстать рекламу фонда Новая Коллекция. Возможно, выглядит это с непривычки как «неуважение» — только я хочу сказать — куратор вообще диктатор. В Перми, в Москве, в Нью-Йорке. Это человек огнем и мечом идущий к своей цели — сделать безупречный, насколько это возможно, продукт. Выставку, каталог, форум, журнал. Я, говорят, еще мягкий. Три раза прошу и объясняю, как надо сделать, прежде чем повышаю голос. Только это профессиональное, а не персональное» [68]. Любопытно, что эта полемика велась на страницах блога «Черный Гельман», название и происхождение которого объясняется тем же — привычкой профессионального галериста, специализирующегося на актуальном искусстве, к эпатажу [69].

В качестве еще одной причины, порождавшей конфликты, можно назвать также сложившиеся в России практики управления, распространенные и в России. Они включают в себя традицию решать большинство вопросов и процессов за закрытыми дверями, причем зачастую спонтанно. На это указывают несколько респондентов [Интервью № 1, И. Аверкиев; Интервью № 6, предприниматель].

И все же главной причиной конфликтов (по крайней мере — не последней) следует считать, на мой взгляд, несовпадение дискурсов.

Описать все конфликтные ситуации, приведшие к формированию враждебных лагерей, рамки данной статьи не позволят. Ограничусь двумя наиболее яркими, на мой взгляд, примерами.

Первый возник по поводу с выставки «Большая Волга». Весной 2009 года Москве должна была состояться выставка членов Союза художников России из Приволжского федерального округа. Пермское отделение союза художников (председатель Р. Исмаилов) обратилось к министру Б. Мильграму «с просьбой выделить средства на поездку в столицу и оплатить расходы, связанные с выставкой». Местный союз художников планировал выставить по одной картине от каждого своего члена. «На что от Мильграма поступило предложение назначить ответственным за организацию выставки М. Гельмана, который и будет отбирать работы. Предложение Мильграма не устроило художников» [36]. Решение назначить М. Гельмана куратором этой выставки было вызвано вполне рациональным доводом. Карьера Гельмана-галериста началась с успешной выставки «Вавилон», положившей начало целому направлению

2 Баталина Юлия — пермская журналистка, зарекомендовавшая себя одним из ярких противников ПКП и лично М. Гельмана.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

в современном искусстве «Южнорусская волна», и выведшей в свет многих провинциальных художников [71]. По словам сотрудника министерства культуры тех лет «по традиции, совет художников собирал сколько-то работ и ковром вывешивал на стены. Борис Леонидович, как театральный режиссер, почесал репу, и говорит Марату: "Слушай, ну ведь это же в Москве никому не интересно, наши художники не продаются. Может быть, есть какой-то другой способ представить пермских художников? Чтобы их в Москве заметили, чтобы для наших был трамплин, было движение вверх"... И тогда возникла идея о том, что надо сделать профессиональную отборку работ, правильно устроить московское пространство (мы все равно за него платим), и сделать экспозицию так, чтобы, с одной стороны, вытащить наших крутых художников, чтобы их кто-то увидел, с другой стороны, чтобы там заметили... Получилось, что Министерство культуры попыталось выступить продюсером пермских художников. И вот тут то и начался скандал» [Интервью № 10, сотрудник Министерства культуры].

История имела продолжение. 23 апреля того же года по инициативе Р. Исмагилова состоялось собрание, получившее название «Конгресс пермской интеллигенции». Выступающие, в числе которых были театральные деятели (в частности — И. Тернавский, руководитель пермского театра кукол), члены союза писателей (в том числе — А. Иванов), работники культуры, а также сочувствующие, обвинили Мильграма в том, что он «полупермяк-полумосквич», «что они нас не любят» и им «наплевать на пермскую культуру», в баснословных гонорарах приедем, в том, что «Русское Бедное» «навесило лапшу на уши нескольким десяткам, если не сотням тысяч, пермяков», во вторичности привозимых Гельманом культурных продуктов и т.д. и т.п. [47]. В июле 2013 года, уже после окончания ПКП, при новом губернаторе выставка «Большая Волга» все же прошла в Перми. Как признается в целом торжествующий Р. Исмагилов в интервью газете, выставка не лишена недостатков: «нет ни каталогов, ни буклетов, нет даже экскурсоводов, которые хоть что-то бы смогли рассказать... экспозиция теряется в огромных выставочных павильонах.... Наконец, ... — отсутствие зрителей, точнее, их малое количество, несмотря на бесплатный вход»... [36].

Другим примером должны стать пресловутые «Red people» — Красные человечки, самый одиозный элемент программы паблик-арта. Это несколько скульптур, выполненных из дерева и пластика в стиле минимализма и установленных в сентябре 2010 года на достаточно провокационном месте — между зданиями администрации Пермского края, Культурно-делового центра, Законодательного Собрания и Пермской филармонии. Одна фигура (в поднятой как при голосовании рукой) сначала была «усажена» на крышу филармонии (где заседает краевой парламент), потом КДЦ, другая восседает на деревянном кресле, две фигуры «катались» на самокате. По словам Б. Мильграма, «красные человечки» — «это просто арт-объект. Это есть во многих странах» [24]. Ему вторит А. Люблинский, один из авторов «человечков»: «Мы ничего особенного не хотели этим сказать... Нам вообще интересны игры и игрушки, и красный человек — это тоже игрушка, но не детская» [24]. Стоило это все по официальным данным, 200 тыс. руб. [24]. Однако, такая трактовка не устроила жителей и оппозиционно настроенных гражданских активистов. Поэтому стали возникать собственные версии.

Первое, самое распространенное обвинение, которое было выдвинуто против «красных человечков», да и всей программы паблик-арта — «распил» бюджетных денег. «Какого черта деньги тратятся на идиотских человечков с красным и белыми цветами (цвета флага Швейцарии)... вместо того чтобы отремонтировать ДК Гознака...» — вопрошает в комментариях к посту в ЖЖ Олега Чиркунова пользователь с аккаунтом almir0502 [67]. Далее, во многих газетных статьях настойчиво проводится мысль: а что они должны означать? Версии подбра-

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

сывают активные политики и журналисты, в том числе, федерального масштаба. Вот суждение пермского политика, на тот момент депутата Законодательного Собрания: «Ну, что такое безголовый человек, сидящий на здании Органного зала, красный человечек безголовый, на депутатском здании? И поднимающий руку, голосующий «За»? Как после этого будут люди относиться, даже далекие, либо недалекие? Пассионарные люди: «ну че, понятно, издевается просто, ну хохочет, пускай хохочет». А недалекие, которые тоже есть среди депутатов, представителей промышленных группировок в том числе, они «Эээээ?!» — искреннее возмущение» [Интервью № 11, политик]. «Красные человечки» становятся полноправными ньюсмейкерами. «У здания драмтеатра (сейчас он именуется театр "Театр") состоялся митинг против новой культурной политики вообще и человечков в частности. Глава местного Союза художников (тот самый Р. Исмагилов – О.Л.) в сердцах пообещал спалить красных пришельцев. На фестивале театральных капустников несчастные манекены были выведены с бензопилами в процессе распила краевого бюджета» [24]. Такая реакция, кстати, вполне устроила авторов: «Из всех работ public art именно эта вызвала реакцию такого масштаба. Ее и сжечь в Перми хотели, и на митинг против нее выходили с транспарантами... Красный человечек стал героем карикатур, комиксов, даже нескольких музыкальных клипов. Кукольный спектакль про него сделали, были стихи, песни, былина — столько в нашего человечка смыслов вложили» (Цит. по: [2]). Впрочем, в критический момент и идеологи «Пермского культурного проекта» вынуждены были пойти на попятную. «По совету политтехнологов «Единой России», было принято решение о демонтаже красных арт-объектов с улиц Перми. Политики «ЕР» надеются, что отсутствие раздражающих пермяков «красных человечков» позволит партии набрать на выборах дополнительные 10% голосов избирателей» — сообщает другой информационный портал в ноябре 2011 года, накануне выборов в Государственную Думу [37]. По замерам общественного мнения в декабре 2011 года, перечисленные арт-объекты и «красных человечков» в том числе готовы признать символом Перми 11,8 % пермяков [55]. И, как итог, в марте 2014 года, через 2 года после отставки губернатора О. Чиркунова и через год после отставки М. Гельмана, «Red people» убраны из центра города.

В приведенных выше кейсах уже можно увидеть зародыши тех дискурсивных стратегий, которые в полной мере вызрели к моменту окончания ПКП.

Дискурсы Пермского культурного проекта (ПКП): обобщение

Самой распространенной стратегией дискурсивной атаки на ПКП со стороны «пермистики» стало дискурсивное снижение мотивов поведения его идеологов. Деятельность Б. Мильграма, М. Гельмана и О. Чиркунова их противники высмеивали и/или объясняли коррупционными выгодами, личным «пиаром» губернатора и М. Гельмана перед Москвой (хотя, по замечанию Н. Зуборевич, это в современной России едва ли не единственная стратегия привлечения денег в регионы из федерального бюджета» [31]), безвкусицей, глупостью, надутельством, халтурой и т.д., в общем, «Остап Бендер отдыхает!» [Интервью № 9, журналист], а «речь идет не о расцвете региона, скорее, о раскрутке бренда, пиар-эффекте. Устами не очень чистоплотных людей в России сейчас продвигается мысль, что единственная форма существования искусства это проект» [Цит. по: 16]. Это слова Г. Исаакяна, художественного руководителя Пермского театра оперы и балета в 1999-2010 гг.

В последнем отрывке очень интересно это противопоставление истинного «расцвета» и фиктивного «бренда». Говоря иначе, пермская общественность, склонная к «пермистике» или

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

просто критическому взгляду на власть, в «бренды» и «мечту» не поверила, увидев в них обыкновенное надувательство и желание «распилить бюджет». Поэтому самый распространенный и самый, пожалуй, эффективный прием «пермистиков» заключался в маргинализации противников через обозначение их «чуждости». С самого начала ПКП в лексике газетных статей и постов в интернете звучал синонимический ряд слов «москвичи», «варяги», «окупанты» и «интервенты», связывающий идеологов ПКП с внешним, а потому чуждым и опасным миром. Как высказался один из наиболее непримиримых противников ПКП, пермский правозащитник и гражданский активист вполне либерального толка И. Аверкиев «И вот культурная революция, а поскольку я пермяк, и мне очень важно быть здесь, ненавидеть москвичей, постоянно им тыкать, в том, что они тупые, никому не нужные бессмысленные люди, которые загигают нашу страну непонятно куда, ... что будущее страны в провинции. Ну, в общем, понятно, что я их ненавижу». Эта стратегия подпитывалась глубоко укорененным в массовом сознании негативным образом столицы страны [45] в купе с «фобией» захвата региона москвичами в бизнес-кругах [11] и чувством уязвленной гордости образованных профессионалов из провинции, которым недоступны московские ресурсы [51].

Тема «варягов» легко соединяется в этом дискурсе с темой коррупции. «Именно за счет варягов они (Гельман, Мильграм — О.Л. и делают деньги, за счет привезенных. Там, во-первых, и денег можно больше заложить — это же звезды. Не местные какие-то звездочки, а звезды. А местным, ты иди, попробуй Шостиной³ скажи — давай, там, я тебе, Наташ, дам пять миллионов, а ты мне два с половиной откатай обратно. Ну, я думаю, это будет нечто... Может быть кто-то и сыграет в подобную игру, может и играл... Поэтому варяги. Поэтому 90% — туда, 10% — сюда. Не 50 на 50. Вот если бы было 50 на 50, проект бы работал бы. Он бы фундаментально бы рос» [Интервью № 11, политик].

Этот дискурсивный ряд имеет целый спектр вариаций от более утонченного «прогрессорства» [57] через уничижительное «нищий, обанкротившийся в Москве галерист» [Интервью № 11, политик], «пристроенный на кормление Сурковым» [Интервью № 1, И. Аверкиев] до обвинений во всех смертных грехах («дело в белом порошке, который рассыпался по столу Марат Александровича [Гельмана]» [Интервью № 9, журналист]), и антисемитских выпадов: «Мильграм и Гельман — члены хасидской церкви, возящие мешки денег в Бостон» [Интервью № 18] (последнее — на полном серьезе, причем это утверждают отнюдь не городские сумасшедшие). Эти варианты редко локализованы в речи одного человека, они имеют тенденцию к расползанию по всему полю дискурса, от выступлений профессоров до желтой прессы, от суждений политиков до пересказов «по секрету» со ссылкой на компетентные органы.

Еще одним вариантом критики, на этот раз со стороны гражданских городских активистов, стал упрек в том, что ПКП отвлек многих горожан от гражданских практик и «отбросил социальное и политическое развитие Перми на несколько лет назад». Вновь рассказывает И. Аверкиев: «Поскольку проект был мощным, он опрокинул, прежде всего, социальное, политическое развитие. ... То есть город уникален по целому ряду гражданских практик... сегодня, если бы вот так не отвлеклись, ... то Пермь могла быть реально стать центром гражданского возрождения страны. Шанс этот был, и он был упущен... Я не склонен думать в парадигме заговора, но поскольку я был лично хорошо знаком с Сурковым, ... я примерно понимаю, как могли складываться их отношения с Гельманом. Сурков знал, что такое Пермь. Вполне возможно, что Путин из людей вокруг, которые были наиболее активные, они на какое-то время

3 Шостина Наталья — основатель и руководитель пермского это-футуристического фестиваля «КамWA».

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

превратились в культуртрегерских акционеров и так далее... Это массовое отвлечение кучи народа, атмосферы, духа, мысли, активности в никуда, в абсолютно пустое» [Интервью № 1, И. Аверкиев]. Помимо столь экзотичной версии звучали и более взвешенные упреки с этого фланга: в неоправданности затрат и непрозрачности бюджетов [Интервью № 6, предприниматель], в отсутствии взаимодействия с общественностью при принятии ключевых решений [Интервью № 8, гражданский активист], в нежелании использовать потенциал ученых при проектировании своей деятельности [50].

В устах более консервативных противников эта стратегия маргинализации ПКП вообще превратилась в «локально-освободительное» (почти «национально-освободительное») движение. Один из «охранительно» настроенных пермских журналистов сравнивает тех, кого увлек ПКП, с «наивными» участниками «событий на Украине, Манежке, Болотной» и защитниками Белого Дома в 1991 году», с «креативным классом», который, по его определению, составляют люди, «у которых, собственно, кроме протестных настроений, причем без особой необходимости, других целей в жизни нет» [Интервью № 9, журналист]. Другой оппозиционный политик ему вторит: «С неправильной мотивацией, они ... это люди, которые являются разрушителями устоев и основ и, на мой взгляд, для России это, на сегодняшний момент, очень губительно... Понимаешь, подрастающее поколение? На какашках, бычках, целующихся милиционерах и т.д. чему можно воспитать? Ничему! А потом мы удивляемся, что и школа у нас не воспитывает, и культура у нас не воспитывает, семья у нас бухает и не воспитывает. Кто у нас вырастет?» [Интервью № 11, политик].

Эта позиция прекрасно уживается и с идеей социальной справедливости: «Опять – в Столице (то есть в Перми — О.Л.) гуляют, а мы, значит, в Чайковском должны пахать и ничего этого не видим» [Интервью № 11, политик]; «чем виноваты шахтеры Кизила? Или жители Чайковского — они чем провинились? Деньги краевого бюджета были использованы в этой части. Они что, не платили в краевой бюджет?» [Интервью № 9, журналист]. Эта идея легко переходит и в речь пермского профессора, человека в целом демократических и либеральных взглядов: «Помню, Мильграм отказался пускать автобусы вечерами, после «Белых Ночей» в Закамск и на Гайву. Сказал, что этот фестиваль не для гопников с окраин. Чем они хуже?». И его же: «идея была такова: давайте сделаем европейский центр города, а окраины пусть остаются в разрухе» (фразы из дискуссий, цитирую по памяти).

Иначе говоря, волей-неволей риторика местного патриотизма стала ведущей и определяющей для всего спектра носителей прежних локальных дискурсов.

Однако помимо этих продолжающихся и по сей день разговоров, а, возможно, благодаря именно им, в локальном дискурсе «пермистики» постепенно начинают звучать другие термины, явно связанные с заимствованием из лексикона противника: «идентичность» (пришедшая на смену «пермской матрицы») в контексте, разумеется, утраты и разрушения, «бренд города» (вместо «образа» и «имиджа»), а также «проект» в применении к сферам, до того принципиально ассоциировавшимся исключительно с «разумным, добрым, вечным». Это лишний раз доказывает, что изучаемый нами локальный дискурс «пермистики» оформился в своей наиболее полной форме (или, если угодно, подвергся искажению – по вкусу) только тогда, когда сообщество ощутило угрозу своей идентичности под влиянием вторжения извне.

Трансформация локальных дискурсов в процессе реализации ПКП

И вот тут мы подходим к важному моменту. Многие из «пермистов» и примкнувших к

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

ним критиков ПКП изначально придерживались иных, более умеренных взглядов. Так, разгоревшаяся после выставки «Большая Волга» и Конгресса пермской интеллигенции (весна/лето 2009 года) дискуссия «о культурном конфликте "москвичей" и "пермяков"», выложенная на сайте Пермской гражданской палаты (возглавляемой все тем же И. Аверкиевым), содержит множество текстов и комментариев разных авторов из разных лагерей от А. Иванова до Б. Мильграма. Общий тон постов, за редким исключением, вполне умеренный и взвешенный, в том числе и у самого И. Аверкиева. Он (как и многие другие авторы дискуссии) признает отсталость «пермской культуры» и местных творческих союзов, умеренно (пока) критикует идеологов ПКП, и предлагает взглянуть на эту ситуацию шире, как примеряющий аналитик: «Этот несчастный «культурный конфликт» загнал «нормального пермяка» в моральную ловушку. Если хочешь публично самоопределиться в конфликте, то приходится выбирать между «московскими хамами» и «местными мракобесами». Конечно, одни — не совсем хамы, а другие — не совсем мракобесы: просто они себе такие общественные ампулы выбрали... Главное — не дать этому конфликту поглотить всю культурную энергию пермяков... Давайте забудем о них. Мы уже отдали их проблемам достаточно своего времени и эмоций, мы уже многое поняли. Ими надо просто пользоваться, их надо потреблять» [5]. И еще: «Московские проекты» в Перми — это, как минимум, вне зависимости от вкуса и пристрастий наблюдателя, повод для расширения кругозора пермской публики, для ориентации в мировых культурных контекстах и т. п.» [5]. Ему вторят посты, написанные А. Сидякиной, В. Бендерсоном, А. Жуковой. И даже есть пост с призывом «Все заинтересованным сторонам нужно разработать и обменяться стратегиями, видениями развития «пермского культурного пространства» и уже для их обсуждения садиться за «круглый стол», поскольку «высказывать друг другу бесконечные претензии — непродуктивно. Новые обиды и обвинения будут лишь углублять конфликт и непримиримость» [56].

Каким же образом некогда дифференцированный и вариативный дискурс «пермистиков» и иных групп пермской интеллигенции стал таким монолитным? Почему в запале критики «общего врага» речь этих людей незаметно и легко включила в себя крайние, не свойственные ранее этим людям выражения и аргументы, превратившись в дискурс а la «освободительное движение»? В какой момент произошла такая редукция к патриотизму?

Судя по интервью и публикациям в СМИ, точкой бифуркации конфликта стал доклад Б. Мильграма на V Пермском экономическом форуме в сентябре 2009 года с презентацией программы «Пермь — культурная столица России». И в нем, пожалуй, впервые перед широкой аудиторией объявлялись постиндустриальные и проевропейские приоритеты ПКП:

«Анализ показывает, что построение культурной столицы — единственный шанс для края и города... У края нет очевидных конкурентных преимуществ по отношению к остальным регионам России. ...Культура может стать важнейшим фактором экономического развития. Мы здесь не изобретаем велосипед! Как это произошло в мире? Примеров множество... (тут идет перечисление европейских городов — Бильбао, Зальцбурга, Милана, Манчестера, Глазго и т.д. — О.Л.). Мне могут сказать, что культурой сыт не будешь. Я вам отвечу, что мы скоро и так сыты не будем. Нравится кому-то или нет, но индустриальная эпоха в Перми закончилась. Что такое Пермь в предыдущей жизни? Это моторы, пушки, ракеты + балет. Что из этих ценностей сейчас осталось? Нужно искать новые ценности. Мы первый индустриальный город [в России], который со всей очевидностью понял, что мы стоим на пороге новой эпохи с иной экономикой. Мы здесь реально первые, и это вселяет определенные надежды» [29].

Интересно проанализировать комментарии, оставшиеся с момента публикации до-

**QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?**

клада на сайте FORUM-MSK.ORG. Судя по всему, большинство из них оставлены пермяками. Начинаются комментарии с философско-нейтрального замечания пользователя с ником ink: «Этот доклад сейчас можно либо порвать как тряпку (тузика) либо прикрепить к древку (знамени) ...первое сделать в сто раз проще...» [29]. Это замечание стало пророческим — из двадцати пяти комментариев двадцать один — негативный (орфография мной не правилась): «Бред от начала до конца», «Болталогия», «Нафига нужна культурная столица?» — таковы самые типичные высказывания, подкрепленные аргументами, перечисленными выше (от «Мойши Гельмана», который «просто постебался», до «Поднимать уровень жизни простых людей: учителей, врачей, рабочих, рядовых сотрудников и т. д. и т. п. — это главная цель всех руководителей, всех чиновников, губернаторов, президентов — ЭТО КУЛЬТУРА!») [29].

Представленные комментарии весьма показательны тоном и манерой дискуссии, которые с этого момента становятся доминирующими в дискурсе «пермистиков» и иных критиков ПКП. «Культура в Прикамье находится в состоянии агонии... Когда-то Гитлер навязывал всей Европе и России ... свой стереотип культурного развития, подминая все под себя, не считаясь ни с чем. Чем все это закончилось, нам хорошо известно... Нас долгие годы обманывали, что на культуру в крае нет средств. Но если посмотреть, сколько бюджетных денег вкладывается в это, с позволения сказать, искусство, то получается, что нас просто обманывали. Вот потому у нас и голодают работники культуры» (Г. Захарова⁴ [цит. по: 26]) — таковы достаточно типичные комментарии в пермской прессе по поводу доклада Б. Мильграма.

И как главный вывод и приговор всему ПКП, большая статья И. Аверкиева «Пермский культурный пузырь», опубликованная именно тогда, в октябре 2009 года: «'пермская культурная революция' — это история и драма, разворачивающаяся по воле демиурга-provokatora, а 'Пермь – культурная столица России' — это такой многосерийный хэппенинг, разыгрываемый Маратом Гельманом для родственников, друзей, партнёров, клиентов и посетителей своего блога», «**Это блеф. Гигантский проектный пузырь!**» [7]. В умении подбирать хлесткие выражения противникам ПКП не откажешь.

Ощутимый накал дискурса и логика союза, согласно которой «враг моего врага есть мой друг», а потому объединение происходило «как всегда на почве «против кого дружить» [21], помимо прочего, приводит к таким немного странным для правозащитника выводам (далее в цитате курсив мой — О.Л.):

«Сегодняшний кризис (экономический — О.Л.) — это не только кризис виртуализированной экономики рубежа тысячелетий, это и кризис культуры, симметричной этой экономике. Феноменами этой синтетическо-виртуально-проектно-концептуально-спекулятивной культуры являются не только «актуальное искусство», но и многое другое:

- синтетическая **мораль политкорректности**;
- проектные духовные учения вроде **Дианетики**;
- практики проектирования «**фиктивной личности**» в **Интернет-коммуникациях** (тут имеется ссылка: «Дело не в том, что любая виртуализация — это плохо. Дело, как всегда, в мелочах: в мотиве и в мере виртуализации» — О.Л.);
- терапевтический **психоанализ**, создавший монстра-психоаналитика как конструктора и собственника «синтетических личностей»;
- «**политтехнологизация**» публичной жизни;
- **экспертизация** рационального знания;

4 Галина Захарова, руководитель Пермского дома народного творчества в 1999-2009 гг.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

- агрессивная *псевдоуниверсальность* «прав человека»;
- бесчисленные *игровые практики* в политике и бизнесе;

и многие, многие другие «пузыри», раздувшиеся на спекуляциях вокруг человеческих слабостей» [7].

Этот отрывок заслуживает отдельного внимания. Он, на мой взгляд, лучше всего показывает, как полемический задор приводит к огрублению позиций и смешению понятий. Если пробежать взглядом выделенные слова, может сложиться мнение, что это выступление активиста консервативно-охранительного толка, каковым И. Аверкиев, насколько мне известно, не является. В один ряд вредных «пузырей» попадают политтехнологии, Дианетика, Интернет (пусть и с оговоркой), психоанализ, экспертная деятельность и даже «псевдоуниверсальные» «права человека». Это довольно странно для человека, основной деятельностью которого является правозащита, который сам активно выступает в роли эксперта и блогера. Возможно, автор хотел сказать что-то другое, не столь традиционалистское. Но в таком категорическом тоне это высказывание прочитывается как сугубо традиционалистское. Не могу удержаться: как писал сам И. Аверкиев всего за полгода до этого в адрес «варягов»: «не мне им объяснять, что ‘как выглядело’ всегда важнее, чем ‘как на самом деле’» [5].

После таких слов любые «мирные предложения» создать совет по культуре при губернаторе и обсудить «Концепцию культурного развития региона», изложенные в финале разбираемой статьи, являются не более чем риторической фигурой, особенно учитывая содержащийся там как условие самих мирных переговоров ультиматум уволить Б. Мильграма и М. Гельмана и отказаться от идеи культурной столицы [5].

Ровно через год, на VI Пермском экономическом форуме концепция культурных преобразований действительно была презентована идеологами ПКП. Она получила название «Культурный проект: концепция культурной политики Пермского края» [53]. Она содержала в себе более развернутое обоснование постиндустриального развития Перми, там впервые появляются понятия «креативные индустрии» и «креативный класс». Видимо, это произошло благодаря Е. Зеленцовой, директору агентства «Творческие индустрии», одному из авторов-разработчиков концепции, и собственным образовательным усилиям команды реализаторов ПКП: «Мы к креативной индустрии только начали приближаться... Мы только начали понимать, что это еще одно направление, в котором можно работать. В начале, в 2008 году, не было и этого, даже на бумаге понятия креативного класса было не найти. А в 2010 году появилась британская брошюрка» [Интервью № 10, сотрудник Министерства культуры]. Кроме того, была сделана очередная попытка найти союзников из числа местных работников культуры. Последнее выразилось в обозначении так называемых «флагманских проектов», среди которых, помимо инициированных самими идеологами ПКП фестиваля «Белые ночи», Музея современного искусства PERMM и Пермского центра развития дизайна, оказалось много местных проектов, в том числе возглавляемых критиками ПКП, например — этно-футуристический фестиваль «КамВа» (руководитель — Н. Шостина) или книжный проект «Пермь как текст» (автор — А. Иванов). Последний — не смотря на разгоревшийся на этот момент финансовый скандал между А. Ивановым и Министерством культуры, связанный с финансовыми махинациями вокруг этого проекта со стороны подрядчика, после которого А. Иванов заявил, что никаких дел с идеологами ПКП иметь не будет [42].

Эта концепция, очевидно, должна была дать ответ многим оппонентам. Так, в ней давалось определение культуры как «как способа поиска человеческой идентичности и формирования своего особого образа и стиля жизни на территории» [53, с. 34] — очевидный ответ на

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

упреки в сведении культуры к современному искусству. Как отдельное направление был обозначен образовательный проект — в ответ на упреки И. Аверкиева «почему ‘пермский музей современного искусства’ и задумка ‘новой драмы в Перми’ с самого начала не сопровождались серьёзными образовательными и просветительскими проектами» [7]. Наконец, в проекте содержатся многочисленные отсылки к экономическим эффектам и показателям [53] — как ответ на общий вопрос «А зачем?».

Однако точка невозврата в конфликте на момент появления концепции оказалась пройденной и «прогрессорами». Обсуждать эту концепцию с «пермистиками» (а заодно — и с прилегающими к ним другими критиками ПКП, например, пермскими работниками высшей школы — авторами альтернативной концепции культурной политики О. Лейбовичем, Е. Маляновым⁵, Е. Березиной⁶ и др.) идеологи ПКП на форуме уже не захотели: критики, и О. Лейбович в их числе, приглашение на форум не получили, а Е. Малянову слова на форуме не дали. Причем, по словам очевидцев, это сопровождалось не самыми приятными комментариями: Н. Новичков⁷ объяснил, что «на форум позвали только людей с головами» (по рассказу О. Лейбовича), а Б. Мильграм заявил на форуме своим оппонентам: «Я не буду ни о чем с вами разговаривать, вы не моего полета птицы» (Р. Попов) [1].

Как следствие, прошедшее пару месяцев спустя обсуждение концепции культурной политики с участием авторов альтернативного проекта уже мало кого интересовало и прошло незаметно [49].

Стоит подчеркнуть: в ходе разворачивания конфликта произошла трансформация не только локального дискурса «пермистиков», но идеологов ПКП. С одной стороны, в их дискурсе изначально расплывчатые идеи (к тому же редко высказывавшиеся публично) постепенно наполнялись содержанием, подкреплялись терминологией, заимствованной из современных европейских концепций, приобретали связанность. С другой стороны, по мере разрастания конфликта деятельность и выступления идеологов ПКП приобретали все большую значимость (хоть и негативную) для их оппонентов, что, в свою очередь, придало культурной политике статуса ведущего направления деятельности краевых властей (вспомним: изначально О. Чиркунов рассматривал культуру как вспомогательную отрасль для преобразования городской среды). С третьей стороны, трансформация локального дискурса идеологов ПКП проявилась в постепенном формировании нового элемента дискурса, логики «осажденной крепости». О последнем стоит сказать подробнее.

Приведенные выше примеры оскорбительных замечаний со стороны Б. Мильграма и Н. Новичкова, конечно, можно рассматривать как простое проявление «московского снобизма», личных качеств или профессионально обусловленной конфликтности (см. выше). Но даже если такой снобизм и существовал, он многократно усиливался давлением со стороны оппонентов. «Вы поймите, может Марат Гельман и не прав, но если его снесут, то все закончится. Надо было держаться друг за друга», «Я много раз спорила, до мата... Но спорить можно было только за закрытыми дверями, в публичное пространство ничего выносить было нельзя... Нельзя критиковать своих, чужие воспользуются» [Интервью № 7, сотрудник музея]. Эта логика «осажденной крепости» и «конспирологического авторитаризма» («кто не с нами, тот против нас») дезавуировала провозглашаемую открытость, усилила стремление к провокации и ответной маргинализации противника. Она проявилась и в отстаивании исключительных

5 Малянов Е. В этот момент — ректор Пермской академии искусств и культуры.

6 Березина Е. — в этот момент проректор Пермской академии искусств и культуры.

7 Министр культуры Пермского края с 2010 года

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

прав на определение содержания культурных феноменов: в ситуации, когда профессиональные компетенции участников команды постоянно ставились под вопрос, становится «естественным» провозглашать, что «искусством должен заниматься только настоящий художник» (ответ Н. Аллахвердиевой на предложение разрешить всем пермякам устанавливать арт-объекты; сказано на круглом столе «Культурная контрреволюция Виктора Басаргина: особенности новой политики», проведенном РИА ФедералПресс 9 апреля 2014 г [18]). Она же (логика «осажденной крепости») присутствует и в редких ответных выпадах членов команды ПКП в адрес критиков, таких как объявление участников митинга против ПКП в июне 2011 года «маргиналами» [Интервью № 6, предприниматель], обвинения в «локальном фундаментализме» [72] или «гопнической стилистике» [18].

Вот так стороны конфликта окончательно перестали друг друга слышать, замкнувшись в позициях «Прогрессоров» и «Патриотов».

После революции: «героический эпос» против «тьмутаракани» и еще немного позитива

Разумеется, приведенный в этой статье анализ упускает многие детали, поскольку информационное поле большого города (к тому же, открытое благодаря современным технологиям) вряд ли поддается полной инвентаризации и типологизации. За пределами нашего анализа пока остаются такие сюжеты, как например, эволюция некоторых изначально доброжелательно настроенных, а затем перешедших в оппозицию к «прогрессорам» общественных деятелей (Н. Агишева), или эволюция взглядов руководителей культурных учреждений (музеев, культурно-досуговых учреждений, театров) и проектных менеджеров в сфере культуры. Это тоже не менее интересные для меня и для замысла всей работы сюжеты, но рамки статьи не позволяют вместить все. Поэтому учтем их хотя бы при обзоре состояния локальных дискурсов на данный момент.

В апреле 2012 г. О. Чиркунов покинул пост губернатора. Некоторые противники ПКП считают его отставку в том числе своей заслугой, поскольку они «переобули декабристское движение (то есть волну протестов 2011-2012 гг. против фальсификации выборов — О.Л.) в античиркуновское». Здесь возникает еще один сюжет, который стоит хотя бы упомянуть — если на федеральном (то есть столичном) уровне Гельман, Мильграм, Чиркунов и Новичков воспринимались как представители либерального движения, к которым в гости приезжает, например, В. Рыжков [10], то на уровне Перми — как представители «путинского режима».

После отставки О. Чиркунова пермский культурный проект стал сворачиваться: летом того же года из правительства Пермского края уходит Б. Мильграм, постепенно сворачиваются многие программы ПКП. Через год с поста директора Музея современного искусства увольняют М. Гельмана «по цензурным соображениям» [55]. Новое руководство региона весьма скептически оценивает достижения предыдущего периода. Все чаще звучат определения «культурная контрреволюция», «сворачивание культурного проекта».

Этот событийный поворот внес свои коррективы в дискурсивные практики, посвященные Перми. С одной стороны, некоторая часть активно высказывающихся «пермистиков» и иных противников ПКП умеряет свои позиции, начинает рефлексировать по поводу произошедшего. Так, варианты дискурса после проекта хорошо изложил один из «пермистиков» В. М. Раков: (1) «А чего вы ждали? ... Проект оказался слишком невероятен для того, чтобы быть реализованным»; (2) «Русский город Пермь не сдался и даже не продался, а объединился против прямой, хоть и art агрессии! Не приняла земля русская....!»; (3) «С долей сожаления. Про-

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

ект не удался не только потому, что он был слишком экстравагантен и потому столкнулся с неприятием одних и невниманием других» [57].

И все же стоит направления локальных дискурсов после ПКП скомпоновать немного по другому, в зависимости от позиций носителей дискурса во время самого проекта. Так, идеологи ПКП постепенно конструируют «героический эпос» проекта, в котором Перми отводится роль авангарда мировой культурной революции, пусть и отступившей на время. Пермь для них — это место, где какое-то время «можно было открыто и на равных смотреть на этот мир, быть участником вот этой осмысленной жизни. ... Результатом для меня был фестиваль городок «Белые ночи», когда в течение двух лет, двух месяцев всего, я видел счастливых людей внутри. Не было злых рож искаженных, никто не матерился и никто не курил, ... А за пределами этого городка люди так же говорили на другом языке, с искаженными лицами и, в общем, не любили себе подобных». И посева, брошенные на пермскую почву, «когда-нибудь взойдут» [Интервью № 3, Б. Мильграм]. Наиболее подробно эта Пермь представлена в богато изданной иллюстрированной книге «Perm a Live» [74], что характерно — полностью на английском языке. Общий пафос этого направления: «мы сделали все, что могли, потомки нас рассудят».

Часть активных участников ПКП, оставшихся в Перми, продолжают воспроизводить риторику «осажденной крепости», проговаривая прошлые обиды и предъявляя счета прежним противникам, при этом пытаясь доказать, что посева постепенно всходят, а институции, появившиеся в ходе ПКП, продолжают развиваться «и без Марата Александровича» [72; 18].

Настроения среди сотрудников культурных учреждений и проектных менеджеров, активно участвовавших в деятельности ПКП, можно охарактеризовать общим словом «ностальгия», но с разными оттенками. Это может передаваться такими выражениями, как «мертвая земля», где прекратилось всякое развитие [Интервью № 19, менеджер в сфере культуры], «поматросили и бросили» [Интервью № 16, руководитель культурно-досугового учреждения], «мы получили опыт» (это говорят практически все опрошенные из данной категории респондентов [Интервью №№ 4; 6; 7; 12; 16; 17; 18; 19 — 25]). Большинство из опрошенных сходится и в оценке происходящего в культурном поле города сегодня: «теперь стало еще хуже, чем до ПКП».

Среди наблюдателей ПКП (как сторонников, так и противников), варианты локального дискурса после ПКП варьируются еще шире. С одной стороны, у самых радикальных борников аутентичности, которые воспринимают окончание ПКП с позиции «слава богу, закончилось!», Пермь предстает неким героем, возмужавшим после сражения: «Город бурлит, отстаивает эспланаду и Галерею, выкапывает первожителю, играет премьеры, снимает кино, обсуждает мэра и 'Географа' — столько красок, форм, а не только лишь красное и квадратное... И только крепче сжимаем в кармане кулаки, когда чужаки и лиходеи покушаются на 'свое, родное'» [12]. В рамках этого варианта дискурса усиливает пропасть между «своим, родным» и Москвой, Западом, миром. В рамках этого дискурса пермяки времен ПКП были похожи на персонажей перфоманса «Синих Носов», когда «в картонных коробках маленькие голые люди циклично ели, спали, бранились, совокуплялись...». Иначе говоря, «нас в большой картонной коробке ('страна Картония'⁸, да?) показывали утонченному московскому бомонду...» и пермяки, «стали таким успешным арт-объектом, что поставались на экспорт — о нас писали аж в «Нью-Йорк Таймс»!», то теперь «мы вновь живем своей собственной, а не придуманной и не навязанной жизнью» [12]. «Пермь не Бильбо» [Интервью № 1, И. Аверкиев]. Правда, Пермь

8 Детский проект в рамках «Белых ночей», в рамках которого в центре Перми строился городок из картона (спонсор — ООО «Пермский картон»), внутри которого аниматоры занимались с детьми.

QUIS HIC LOCUS, QVAE REGIO,
QVAE MUNDI PLAGA?

при этом была и есть «городом-болотом» [12], и «тмутараканью» [Интервью № 1, И. Аверкиев], от которого «с поджатыми губами отвернулся московский бомонд» – и «невелика печаль» [12]. По сути, это возрождение комплекса «локальной неполноценности», «дыры», которую стыдно показывать миру.

С другой стороны, среди наблюдателей можно встретить и самые восторженные отзывы: «Пермь многому научилась», «с города слетела дрема», «все, кто имеют к культуре отношение, стали жить лучше. И театры, и прочие драмкружки, и клубы, сколько бы они не воняли, они стали жить лучше» [Интервью № 13, сотрудник телекомпании].

Наконец, среди прежних противников ПКП существовала и такая (самая конструктивная, на мой взгляд) установка, как «все только начинается, пришло время брать инициативу в сфере культуры в свои руки» [Интервью № 6, предприниматель]. Но она не часто находит отклик в публичном пространстве: среди участников конфликта слишком сильны старые обиды, чтобы объединяться, а в среде гражданских активистов чувствуется откровенная усталость от темы культуры вообще.

Завершу я цитатами из интервью, взятыми у представителей тех самых творческих индустрий, на которых и был направлен ПКП. В их представлении Пермь действительно изменилась, поскольку культурная революция «дала мне и другим молодым людям возможность почувствовать, что ты действительно что-то можешь, у тебя есть возможность ошибиться и попробовать снова и это чувство тебя не покидает» [Интервью № 22, организатор проектов], «(Гельман) как та красная тряпка в руках матадора» все «взбаламутил. Несколько изменил к лучшему, но взбаламутил и это уже изменение» [Интервью № 23, художник], Пермь «в любом случае узнали, это безусловно плюс» [Интервью № 24, дизайнер], и «тебе не нужно никуда уезжать, чтобы это все увидеть. И, соответственно, оттока населения нет. Вот пока все это было, у меня ни один знакомый не уехал в Москву, хотя до этого говорили: 'все, уезжаем, уезжаем'» [Интервью № 25, специалист в сфере IT].

И в заключение...

Проведенный анализ показывает, что локальные дискурсы не стоит воспринимать как некую константу, обусловленную «почвой и кровью», исторической судьбой и вообще чем-то подобным. Более того, дискурсы в целом и локальные дискурсы в частности представляют собой скорее динамические образования, развивающиеся не только в рамках собственных логик, но и под влиянием внешних факторов, таких как социальные, политические и экономические конфликты, логики союзов и групп, в которые вступают носители того или иного дискурса, необходимость привлечения дополнительных ресурсов в борьбе за символическое влияние. С одной стороны, дискурсы разных субъектов могут сближаться, вплоть до взаимной неразличимости, перед угрозой общего врага, а с другой – они же и вбивают клин между разными группировками, делая невозможным дальнейший диалог и даже сосуществование. В этом смысле дискурсы конструируются по определенным стратегиям, которые часто изоморфны, как писал П. Бурдьё, стратегиям смежных социальных полей, в первую очередь — политического [17].

Выделенные мной на примере конкретного случая стратегии построения локальных дискурсов («маргинализация» и «редукция», «освобождение» и «героический эпос», «замыкание» и «поиски союзников»), несмотря на данные мною «сиюминутные» названия, достаточно распространены. Их можно встретить и опознать в разных ситуациях и контекстах. Впрочем, я

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO, QUAE MUNDI PLAGA?

далек пока от амбиций предложить какой-либо полный список таких стратегий, если это вообще возможно.

Меня больше волнует другое. Каким образом можно научиться (на примере ПКП, или других конфликтов) не только вычленять процессы конструирования дискурсов, но и находить те стратегии, с помощью которых мы могли бы переводить конфликты-противостояния в конфликты-сотрудничества. Как писал М. Ю. Тимофеев, подробно разбирая различные варианты брендов постсоветских городов, «брендинг — это поиск компромисса... Интересы местных властей, инвесторов, предпринимателей, туристов и, разумеется, местных жителей при профессиональном подходе к позиционированию города или региона как (пост)индустриального должны совпасть» [64, с. 39]. Иначе говоря, различные дискурсы должны быть связаны в некую систему, где каждому способу говорения достается своя ниша. Однако модус долженствования на практике остается скорее желанием, чем программой действия.

Список интервью:

1. Аверкиев И. В. — руководитель НКО «Пермская гражданская палата». Блогер, правозащитник. Интервью проведено в рамках научного семинара.
2. Курентзис Т. — художественный руководитель Пермского академического театра оперы и балета имени П.И. Чайковского (с 2010 г. по сей день). Интервью взято автором для альманаха «Город и сцена», Дюссельдорф, Германия.
3. Мильграм Б. Л. —художественный руководитель Пермского академического театра «Театр», министр культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края (2008-2010), вице-премьер Правительства Пермского края (2010-2012).
4. Тавризян Ю.Б. директор Пермской государственной художественной галереи. Интервью проведено в рамках научного семинара.
5. Чиркунов О.А. — губернатор Пермского края (2004-2012). Интервью проведено в рамках научного семинара.
6. Женщина, предприниматель, руководитель общественного фонда, активный общественный деятель.
7. Женщина, сотрудник Музея современного искусства PERMM.
8. Мужчина, гражданский активист.
9. Мужчина, журналист.
10. Женщина, во времена Пермского культурного Проекта сотрудник Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.
11. Мужчина, предприниматель, политик, депутат Законодательного Собрания Пермского края (2001-2011).
12. Мужчина, кинорежиссер.
13. Мужчина, сотрудник пермской телекомпании.
14. Женщина, во время Пермского культурного Проекта сотрудник Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.
15. Мужчина, редактор пермской газеты.
16. Женщина, руководитель культурно-досугового учреждения.
17. Женщина, журналист, менеджер в сфере культуры.
18. Женщина, менеджер в сфере культуры.
19. Женщина, руководитель общественной организации, организатор фестивалей, менеджер в сфере культуры.
20. Женщина, доктор наук, сотрудник вуза.
21. Мужчина, художник, скульптор.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

22. Женщина, организатор культурных и коммерческих проектов. Интервью взято и расшифровано А. Рицковой.
23. Мужчина, художник. Интервью взято и расшифровано А. Рицковой.
24. Женщина, дизайнер. Интервью взято и расшифровано А. Рицковой.
25. Мужчина, специалист в сфере IT. Интервью взято и расшифровано А. Рицковой.

Библиография

1. 2010 год: «Культурная альтернатива» // Сайт «Эхо Перми». URL: <http://www.echoperm.ru/themes/14/315/92319/>.
2. А. Люблинский, М. Заборовская // СОБАКА.RU. 13 июня, 2012. URL: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/12075>
3. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. — 404 с.
4. Аверкиев И. Бильбао против пермской культурной революции. // Сайт Пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/Bilbao2>
5. Аверкиев И. Иванов прав, но... // Сайт Пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov>
6. Аверкиев И. Куда бедному нормальному податься? // Сайт Пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov11>
7. Аверкиев И. Пермский культурный пузырь. // Сайт пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/culture>
8. Административно-территориальное деление XVI—XX вв. // История отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 1999. — С. 559 – 565.
9. Александер Д. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. — М.: Пракис, 2013. — 640 с.
10. Андреев Д. (tipograf) Владимир Рыжков в Перми. // Личный блог Д. Андреева. URL: <http://tipograf.livejournal.com/222285.html>
11. Аношкин А. А. Фобии в российской предпринимательской культуре: культурологический анализ нарратива. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. — Челябинск: 2009. — 27 с.
12. Балабанова Ю. Гольшом в картонной коробке. // Интернет журнал Филолог. Вып. 25. URL: http://philolog.psru.ru/module/magazine/do/mpub_25_528
13. Баньковский Л. В. Кто изучит уральскую цивилизацию пещер? // Газета "Наука Урала", 2006, № 21-22.
14. Баньковский, Л. В. Пермистика: заметки об истоках пермской региональной культуры. — Пермь, 1991. — 107 с.
15. Барт Р. Мифологии. — М.: Директ-Медиа, 2007. — 459 с.
16. Барыкина Л. Георгий Исаакян: Мой прогноз – неутешительный // Звезда, 16 июня 2011. URL: <http://zvezda.perm.ru/newspaper/?pub=4926>.
17. Бурдые П. Социология социального пространства — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. — 288 с.
18. Баталина Ю. «Надо сказать спасибо Гельману». В Перми вновь собираются «круглые столы», посвященные культурной политике // Новый компаньон, 15 апр. 2014 г. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-1496425.html>
19. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
20. Белдыцкий Н. П. В Парме: Очерки северной части Чердынского уезда. — Пермь, 1901. — 135 с.
21. Бендерсон В. Мои претензии к пермской интеллигенции. // Сайт пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/seva4>
22. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

- реальность. — М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет). 2014. — 360 с.
23. Бординских Г. А. Соликамский горизонт Пермской системы. К истокам горнозаводской цивилизации. — Соликамск, 2011. — 245 с.
24. В Перми появились красные человечки за 200 тысяч бюджетных рублей // Комсомольская правда в Перми, 14 сент. 2010 г.
25. Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь: Издательство «Пушка», 1996 (1913). — 255 с.
26. Волков А. Оплодотворение культуры // Пермский обозреватель, № 36 (436) 21 сентября 2009. URL: <http://new.permoboz.ru/txt.php?n=7064>
27. Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс. 1991. — 320 с.
28. Глазычев В. Л. Город без границ. — М.: Территория будущего. 2011. — 400 с.
29. Доклад министра культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края Бориса Леонидовича Мильграма «Пермь как культурная столица России» на V Пермском экономическом форуме. URL: <http://forum-msk.org/material/society/1366994.html>
30. Дюкин С. Г. Мрачный и неудобный город (оценка пермских реалий в блогосфере) // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — С. 162 – 174.
31. Зубаревич Н. Развитию Перми мешает неразвитая инфраструктура и отток образованных и конкурентоспособных людей // Сайт «Эхо Перми». URL: <http://www.echo.perm.ru/interview/299/135226/>.
32. Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. — М.: АСТ, 2014. — 238 с.
33. Иванов А. Пермь как Next // Новый компаньон, Пермь, 23 июня 2009 г.
34. Игнатьева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. — Пермь: ПГПУ, 2009. — 230 с.
35. Игнатьева О. В., Лысенко О. В. Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. — С. 69 – 80.
36. Издалека долго течет «Большая Волга» // Газета «HeСекретно», 17 июля 2013.
37. Информационный портал Dayperm.ru. URL: <http://www.dayperm.ru/node/24351>
38. Казначеева Т.А. Понятийный статус концепта "Genius loci" и его функции в тексте культуры города Мюнхен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. — Кострома: 2009. — 182 с.
39. Ковин В. С. Стилистика гражданской жизни Перми: «Гражданская столица» vs «Политическое болото» = «Гражданская политика» // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — С. 175 – 200.
40. Курицын В. Кто такие красные человечки и как они воюют за красоту/ Сайт телекомпании «Рифей-Пермь». URL: http://www.rifey.ru/wall/words/show_id_4563/02-05-2012-kto_takie_krasnyie_chelovechki_i_kak_oni_vouyut_za_krasotu.
41. Лейбович О. Л. Мы еще не изжили первичный плотский индивидуализм // Компаньон-magazine, 2015, № 1 (87). — С. 24.
42. Лопатина Е. Пермь как скандал // Сайт 59.ru. URL: http://59.ru/text/business_news/266769-print.html
43. Лысенко О. В. Три стилевых сообщества современного российского города // Город как вызов: сборник статей международной научной конференции (г. Пермь, 16–17 мая 2014 г.). Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, ПГГПУ, 2014. – С. 18 – 24.
44. Лысенко О.В. «Красные человечки» пермского культурного проекта: арт-объекты как предмет социальных и политических конфликтов // Визуальные образы современной культуры: традиции и новации в культуре мегаполиса: Сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 10 – 11 апреля 2014 г. — Омск: Золотой тираж, 2014. — С. 45-53.
45. Лысенко О.В. Образ жителя провинциального города (по материалам социологических опросов пермяков) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 69 – 85.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

46. Можейко М.А., Лепин С. Дискурс // Философский словарь. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Diskurs-3100>.
47. Начало конгресса пермской интеллигенции, еще не конец Мильграма // Пермские соседи-ONLINE. 24 апреля 2009. URL: <http://sosedj.perm.ru/txt.php?n=2589>
48. Оболонкова М. А. Европейские черты пермской идентичности через призму исторической памяти // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — С. 133 – 150.
49. Общественные слушания по обсуждению «Концепции культурной политики Пермского края» // Сайт «БезФормата.ru», URL: <http://perm.bezformata.ru/listnews/kontceptcii-kulturnoj-politiki-permskogo/279712/>
50. Олег Лейбович – об альтернативной концепции культуры // Аргументы и факты, 20 окт. 2010. URL: <http://www.perm.aif.ru/culture/details/119242>
51. Орешкин Д. Вместо заключения. Город как Собакевич. // Денис Визгалов: пусть города живут / сост. Михаил Губергриц, Надежда Замятина, Михаил Ледовский. — М.: Сектор, 2015. — С. 269 – 270
52. Памятник А.П. Чехову (Томск) URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%EC%FF%F2%ED%E8%EA_%D7%E5%F5%EE%E2%F3_\(%D2%EE%EC%F1%EA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E0%EC%FF%F2%ED%E8%EA_%D7%E5%F5%EE%E2%F3_(%D2%EE%EC%F1%EA)).
53. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. // Сайт министерства культуры Пермского края. URL: <http://www.kulturaperm.ru/content/file/Konsept%20polnyi.pdf>
54. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — 240 с.
55. Пермь лишили Гельмана / ГАЗЕТА.RU, 19 июня 2013. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2013/06/19/a_5386125.shtml
56. Предложение всем заинтересованным сторонам в связи с конфликтом между пермским Министерством культуры и пермскими творческими союзами // Сайт Пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov5>
57. Раков В.: «Если здесь не будут оставаться талантливые люди, то Перми ничего не светит» // Новый компаньон, 7 марта 2014 года. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-1376523.html>
58. Раков В.М. Биографическая справка. // Сайт проекта «Пермь как текст». URL: <http://www.perm-txt.ru/authors/?author=8>
59. Раков В.М. Революция, которой не было / Интернет журнал Филолог, ПГГПУ, 2013. № 25. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_526
60. Русское бедное увидят москвичи // Сайт телекомпании ВЕТТА. 23 сентября 2009. URL: <http://vetta.tv/news/culture/6258>
61. Русское Бедное. Пресс-релиз // Сайт Музея современного искусства PERMM. URL: <http://www.permm.ru/tegi-po-razdelam/teg-press-reliz.html?tags=Русское%20Бедное>
62. Сайт Пермского отделения КИПРФ. URL: <http://kprf.perm.ru/novosti/raznoe>.
63. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/socoboz/soc3-2013/22004-representativnaya-kultura.html>
64. Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. — С. 29 – 41. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Labirint/2013_05/4.pdf
65. Урри Д. Мобильности. — М.: Праксис, 2012. — 576 с.
66. Чиркунов О. Государство и конкуренция: Статьи. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 240 с.
67. Чиркунов О. Живой Журнал / Комментарии. URL: <http://chirkunov.livejournal.com/357790.html>
68. Чорный Гельман. Аверкиев // Живой журнал. URL: <http://chorni-gelman.livejournal.com/tag/Аверкиев>
69. Чорный Гельман. Галерист Марат Гельман впервые рассказал о своем альтер-эго – персонаже с магическими способностями, который наводит ужас на впечатлительную публику // Собака.ru. 9 мая

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

2010. URL: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/4834>

70. Ширинкин П. С. Культурный туризм: концепция «Пермская Биармия» / «Диалоги о культуре и искусстве»: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 20–23 окт. 2014 г.). – Перм. гос. акад. искусства и культуры. — Пермь, 2014. — С. 103 – 116.

71. Южная волна. Материал из Википедии / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южнорусская_волна

72. Янковская Г. А. Локальный фундаментализм как стиль дебатов о культуре // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. — Пермь: ПГГПУ, 2013. — С. 151 – 161.

73. Янковская Г. А. Молотовский коктейль для травмированного сообщества // Вестник пермского университета. Серия «История». — Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012. Вып. 2 (19). — С. 153 – 159.

74. Perm a Live / Chirkunov O., Gelman M., Allahverdieva N. etc. — Perm: Museum of contemporary art., 2013. — 356 с.

References

1. 2010 god: "Kul'turnaia al'ternativa" // Sait "Ekho Permi". URL: <http://www.echoperm.ru/themes/14/315/92319/>.
2. Liublinskii A., Zaborovskaia M. // SOBAKA.RU. 13 June, 2012. URL: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/12075>
3. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka. — Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. — 404 s.
4. Averkiev I. Bil'bao protiv permskoi kul'turnoi revoliutsii. // Sait Permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/Bilbao2>
5. Averkiev I. Ivanov prav, no... // Sait Permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov>
6. Averkiev I. Kuda bednomu normal'nomu podat'sia? //Sait Permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov11>
7. Averkiev I. Permskii kul'turnyi puzyr'. // Sait permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/culture>
8. Administrativno-territorial'noe delenie XVI—XX vv. // Istoriiia otechestva s drevneishikh vremen do nashikh dni. Entsiklopedicheskii slovar'. — M.: BRE, 1999. — S. 559 – 565.
9. Aleksander D. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiiia. – M.: Prakis, 2013. – 640 s.
10. Andreev D. (tipograf) Vladimir Ryzhkov v Permi.// Lichnyi blog D. Andreeva. URL: <http://tipograf.livejournal.com/222285.html>
11. Anoshkin A. A. Fobii v rossiiskoi predprinimatel'skoi kul'ture: kul'turologicheskii analiz narrativa. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. — Cheliabinsk: 2009. – 27 s.
12. Balabanova Iu. Golyshom v kartonnoi korobke. // Internet zhurnal Filolog. Vyp. 25. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_528
13. Ban'kovskii L. V. Kto izuchit ural'skiuu tsivilizatsiiu peshcher? // Gazeta "Nauka Urala", 2006, № 21-22.
14. Ban'kovskii, L. V. Permistika: zametki ob istokakh permskoi regional'noi kul'tury. — Perm', 1991. — 107 s.
15. Bart R. Mifologii. — M.: Direkt-Media, 2007. — 459 s.
16. Barykina L. Georgii Isaakian: Moi prognoz – neuteshitel'nyi // Zvezda, 16 June, 2011. URL: <http://zvezda.perm.ru/newspaper/?pub=4926>.
17. Bourdieu P. Sotsiologiiia sotsial'nogo prostranstva — M. : Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb: Aleteiia, 2007. — 288 s.
18. Batalina Iu. "Nado skazat' spasibo Gel'manu". V Permi vnov' sobiraiutsia "kruglye stoly", posviashchennye kul'turnoi politike // Novyi kompan'on, 15 April, 2014 g. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-1496425.html>

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

19. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. — M.: Logos, 2005. — 390 s.
20. Beldytskii N. P. V Parme: Ocherki severnoi chasti Cherdynskogo uezda. — Perm', 1901. — 135 s.
21. Benderson V. Moi pretenzii k permskoi intelligentsii. // Sait permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/seva4>
22. Bikbov A. Grammatika poriadka. Istoricheskaia sotsiologiya poniatii, kotorye meniaiut nashu real'nost'. — M.: Vysshiaia Shkola Ekonomiki (Gosudarstvennyi Universitet). 2014. — 360 s.
23. Bordinskikh G. A. Solikamskii gorizont Permskoi sistemy. K istokam gornozavodskoi tsivilizatsii. — Solikamsk, 2011. — 245 s.
24. V Permi poiavilis' krasnye chelovechki za 200 tysiach biudzhethnykh rublei // Komsomol'skaia pravda v Permi, 14 sent. 2010 g.
25. Verkholantsev V. S. Gorod Perm', ego proshloe i nastoiashchee. — Perm': Izdatel'stvo "Pushka", 1996 (1913). — 255 s.
26. Volkov A. Oplodotvorenii kul'tury // Permskii obozrevatel', № 36 (436) 21 September, 2009. URL: <http://new.permoboz.ru/txt.php?n=7064>
27. Gellner E. Natsii i natsionalizm. — M.: Progress. 1991. — 320 s.
28. Glazychev V. L. Gorod bez granits. — M.: Territoria budushchego. 2011. — 400 s.
29. Doklad ministra kul'tury, molodezhnoi politiki i massovykh kommunikatsii Permskogo kraia Borisa Leonidovicha Mil'grama "Perm' kak kul'turnaia stolitsa Rossii" na V Permskom ekonomicheskom forume. URL: <http://forum-msk.org/material/society/1366994.html>
30. Diukin S. G. Mrachnyi i neudobnyi gorod (otsenka permskikh realii v blogosfere) // Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti / pod red. O. V. Lysenko, E. G. Tregubovoi. — Perm': PGGPU, 2013. — S. 162 – 174.
31. Zubarevich N. Razvitiu Permi meshaet nerazvitaia infrastruktura i ottok obrazovannykh i konkurentosposobnykh liudei // Sait "Ekho Permi". URL: <http://www.echo.perm.ru/interview/299/135226/>
32. Ivanov A. V. Gornozavodskaia tsivilizatsiia. — M.: AST, 2014. — 238 s.
33. Ivanov A. Perm' kak Next // Novyi kompan'on, Perm', 23 June, 2009 g.
34. Ignat'eva O.V. Permskii zverinyi stil': istoriia kollektssii i ikh izucheniia. — Perm': PGPU, 2009. — 230 s.
35. Ignat'eva O. V., Lysenko O. V. Analiz odnogo proekta: "Permskaia kul'turnaia revoliutsiia" glazami sotsiologa // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2013. №5. — S. 69 – 80.
36. Izdaleka dolgo techet "Bol'shaia Volga" // Gazeta "NeSekretno", 17 iulia 2013.
37. Informatsionyi portal Dayperm.ru. URL: <http://www.dayperm.ru/node/24351>
38. Kaznacheeva T.A. Poniatiiinyi status kontsepta "Genius loci" i ego funktsii v tekste kul'tury goroda Miunkhen. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. — Kostroma: 2009. — 182 s.
39. Kovin V. S. Stilistika grazhdanskoi zhizni Permi: "Grazhdanskaia stolitsa" vs "Politicheskoe boloto" = "Grazhdanskaia politika" // Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti / pod red. O.V. Lysenko, E.G. Tregubovoi. — Perm': PGGPU, 2013. — S. 175 – 200.
40. Kuritsyn V. Kto takie krasnye chelovechki i kak oni voiuut za krasotu/ Sait telekompanii "Rifei-Perm". URL: http://www.rifey.ru/wall/words/show_id_4563/02-05-2012-kto_takie_krasnyie_chelovechki_i_kak_oni_voyuyut_za_krasotu
41. Leibovich O. L. My eshche ne izzhili pervichnyi plotskii individualizm // Kompan'on-magazine, 2015, № 1 (87). — S. 24.
42. Lopatina E. Perm' kak skandal // Sait 59.ru. URL: http://59.ru/text/business_news/266769-print.html
43. Lysenko O. V. Tri stilevykh soobshchestva sovremennogo rossiiskogo goroda // Gorod kak vyzov: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 16–17 May, 2014 g.). Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. — Perm', PGGPU, 2014. — S. 18 – 24.
44. Lysenko O.V. "Krasnye chelovechki" permskogo kul'turnogo proekta: art-ob"ekty kak predmet sotsial'nykh i politicheskikh konfliktov // Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury: traditsii i novatsii v kul'ture megapolisa: Sbornik nauchnykh statei po materialam III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 10 – 11 apreliia 2014 g. — Omsk: Zolotoi tirazh, 2014. — S. 45-53.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

45. Lysenko O.V. Obraz zhitelia provintsial'nogo goroda (po materialam sotsiologicheskikh oprosov permiaikov) // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2013. № 3. S. 69 – 85.
46. Mozheiko M.A., Lepin S. Diskurs // Filosofskii slovar'. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Diskurs-3100>.
47. Nachalo kongressa permskoi intelligentsii, eshche ne konets Mil'grama // Permskie sosedi-ONLINE. 24 aprilia 2009. URL: <http://sosedi.perm.ru/txt.php?n=2589>
48. Obolonkova M. A. Evropeiskie cherty permskoi identichnosti cherez prizmu istoricheskoi pamiatii // Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti / pod red. O.V. Lysenko, E.G. Tregubovoi. — Perm': PGGPU, 2013. — S. 133 – 150.
49. Obshchestvennye slushaniia po obsuzhdeniiu "Kontseptsii kul'turnoi politiki Permskogo kraia" // Sait "BezFormata.ru", URL: <http://perm.bezformata.ru/listnews/kontseptcii-kulturnoj-politiki-permskogo/279712/>
50. Oleg Leibovich – ob al'ternativnoi kontseptsii kul'tury // Argumenty i fakty, 20 October, 2010. URL: <http://www.perm.aif.ru/culture/details/119242>
51. Oreshkin D. Vmesto zakliucheniia. Gorod kak Sobakevich. // Denis Vizgalov: pust' goroda zhivut / sost. Mikhail Gubergrits, Nadezhda Zamiatina, Mikhail Ledovskii. — M.: Sektor, 2015. — S. 269 – 270
52. Pamiatnik A.P. Chekhovu (Tomsk) URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
53. Permskii proekt. Kontseptsiiia kul'turnoi politiki Permskogo kraia. // Sait ministerstva kul'tury Permskogo kraia. URL: http://www.kulturaperm.ru/content/file/Konsept_polnyi.pdf
54. Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti / pod red. O. V. Lysenko, E. G. Tregubovoi. — Perm': PGGPU, 2013. — 240 s.
55. Perm' lishili Gel'mana / GAZETA.RU, 19 June, 2013. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2013/06/19/a_5386125.shtml
56. Predlozhenie vsem zainteresovannym storonam v sviazi s konfliktom mezhdru permskim Ministerstvom kul'tury i permskimi tvorcheskimi soiuzami // Sait Permskoi grazhdanskoi palaty. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/persons/ivanov5>
57. Rakov V.: "Esliv zdes' ne budut ostavat'sia talantlivye liudi, to Permi nichego ne svetit" // Novyi kompan'on, 7 marta 2014 goda. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-1376523.html>
58. Rakov V.M. Biograficheskaia spravka. // Sait proekta "Perm' kak tekst". URL: <http://www.perm-txt.ru/authors/?author=8>
59. Rakov V.M. Revoliutsiia, kotoroi ne bylo /Internet zhurnal Filolog, PGGPU, 2013. № 25. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_526
60. Russkoe bednoe uvidiat moskvichi // Sait telekompanii VETTA. 23 sentiabria 2009. URL: <http://vetta.tv/news/culture/6258>
61. Russkoe Bednoe. Press-reliz // Sait Muzeia sovremennogo iskusstva PERMM. URL: [http://www.permm.ru/tegi-po-razdelam/teg-press-reliz.html?tags=Russkoe Bednoe](http://www.permm.ru/tegi-po-razdelam/teg-press-reliz.html?tags=Russkoe%20Bednoe)
62. Sait Permskogo otdeleniia KPRF. URL: <http://kprf.perm.ru/novosti/raznoe>.
63. Tenbruk F. Rerezentativnaia kul'tura // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2013. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/socoboz/soc3-2013/22004-rezentativnaya-kultura.html>
64. Timofeev M. Y. Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2013. № 5. — S. 29 – 41. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Labirint/2013_05/4.pdf
65. Urry J. Mobil'nosti. — M.: Praxis, 2012. — 576 s.
66. Chirkunov O. Gosudarstvo i konkurentsii: Stat'i. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. — 240 s.
67. Chirkunov O. Zhivoi Zhurnal / Kommentarii. URL: <http://chirkunov.livejournal.com/357790.html>
68. Chornyi Gel'man. Averkiev // Zhivoi zhurnal. URL: <http://chorni-gelman.livejournal.com/tag/Averkiev>
69. Chornyi Gel'man. Galerist Marat Gel'man v pervye rasskazal o svoem al'ter-ego – personazhe s magicheskimi sposobnostiami, kotoryi navodit uzhas na vpechatlitel'nuiu publiku // Sobaka.ru. 9 maia 2010. URL: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/4834>
70. Shirinkin P. S. Kul'turnyi turizm: kontseptsiiia "Permskaia Biarmiia" / "Dialogi o kul'ture i iskusstve": materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Perm', 20–23 okt. 2014 g.). – Perm. gos. akad. iskusstva i kul'tury. — Perm', 2014. — S. 103 – 116.

QUIS HIC LOCUS, QUAE REGIO,
QUAE MUNDI PLAGA?

71. Iuzhnaia volna. Material iz Vikipedii / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Iuzhnorusskaia_volna
72. Iankovskaia G. A. Lokal'nyi fundamentalizm kak stil' debatov o kul'ture // Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti / pod red. O. V. Lysenko, E. G. Tregubovoi. — Perm': PGGPU, 2013. — S. 151 – 161.
73. Iankovskaia G. A. Molotovskii kokteil' dlia travmirovannogo soobshchestva // Vestnik permskogo universiteta. Seriiia "Istoriii". — Perm': Izd-vo PGNIU, 2012. Vyp. 2 (19). — S. 153 – 159.
74. Perm a Live / Chirkunov O., Gelman M., Allahverdieva N. etc. — Perm: Museum of contemporary art., 2013. — 356 s.